

Мудрость Учителя. Учитель в буддизме и в христианстве

Одним из самых притягательных свойств личности Учителя, основой его авторитета является способность к связному видению мира. Собственно, это — главный критерий Учителя в религиозно-философских системах Востока (индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм).

Для ознакомления читателя с "восточным" образом Учителя использованы цитаты из книг профессора буддийской философии Д.Судзуки (1870-1966) и тибетского ламы Ч.Трунгпа (род. в 1938г.).

"Будда" означает "пробужденный", т.е. видящий мир таким, каков он есть. Состояние свободы от *эго* есть достижение состояния *будды*. Будда — это обыкновенный человек и сын человека; благодаря великой настойчивости он достиг просветления; но все еще имел тело и переживания, свойственные нашему человеческому существованию [35, с.18, 303, 333].

Слово "бодхисаттва" означает: "тот, кто достаточно смел, чтобы следовать по пути бодхи". "Бодхи" — это "пробуждение", "состояние пробужденности". Это не говорит о том, что бодхисаттва должен быть полностью пробужденным; но он желает идти по пути пробужденных. Первая ступень, начальный пункт для того, чтобы стать пробужденным, чтобы присоединиться к семье будд, — это принятие обета бодхисаттвы... Практикующий дает обет, что с сегодняшнего дня и до самого достижения просветления он посвящает свою жизнь работе с живыми существами и отказывается от достижения просветления для себя лично [35, с.154, 311].

В.З.: таким образом, можно рассматривать бодхисаттву как восточный идеал учителя.

"Как бы ни был опытен учитель, он не может заставить ученика постичь истину до тех пор, пока последний не будет по-настоящему внутренне готов к этому. Подобно тому, как мы не можем заставить лошадь пить воду, если она этого не хочет, мы не можем заставить другого постичь высшую реальность. Каждый должен сделать это сам. Цветок распускается сам, вследствие своей внутренней необходимости, точно так же внутреннее откровение должно явиться результатом собственной внутренней зрелости." [5, с.162]

"Пока речь идет о преемственности прямой линии учителей, знание не передается из рук в руки подобно старинной драгоценности. Вернее будет сказать, что учитель переживает истину учения и передает ее своему ученику как вдохновение. Это вдохновение пробуждает ученика, как до него был пробужден его учитель. Затем ученик передает учение другому ученику, и таким образом идет процесс передачи. Учение всегда оказывается современным; это не "древняя мудрость", не какая-то старая легенда. Учения не передаются как информация, не передаются подобно традиционным народным повествованиям, которые дед рассказывает своим внукам. Все это происходит не так. Передача — это подлинный опыт.

В тибетских писаниях есть изречение: "Знание необходимо раскалить, отбить и выковать подобно чистому золоту, тогда его можно носить как украшение". Поэтому когда вы получаете духовное наставление от другого человека, вы не принимаете его некритически: вы раскаляете его, отбиваете молотом, куете, пока не появляется яркий благородный цвет золота. Тогда вы украшаете его орнаментом, выбирая тот рисунок, какой вам понравится, и надеваете украшение на себя... Учение — это индивидуальное, личное переживание — и оно остается таковым до нынешнего хранителя доктрины." [35, с.23]

"Для того, чтобы установить подлинные отношения учителя и ученика, нам необходимо отбросить все заранее созданные представления по поводу того, какими именно должны быть эти взаимоотношения, какими должны оказаться условия раскрытия и покорности. "Покорность" означает полное самораскрытие, старание выйти за пределы мечтаний и ожиданий." [35, с.30]

"Процесс получения знаний зависит от того, чтобы ученик что-то отдал взамен; необходима какая-то психологическая отдача, какой-нибудь дар. Вот почему, прежде чем мы сможем говорить о взаимоотношениях между учителем и учеником, нам необходимо рассмотреть отдачу, раскрытие, отказ от ожиданий. Существенный момент заключается в том, чтобы отречься, отдаться, раскрыться, представить себя гуру в своем подлинном виде, а не пытаться изображать достойного ученика." [35, с.41]

"Боюсь, что на Западе словом "гуру" злоупотребляют. Лучше говорить о "духовном друге", потому что учения подчеркивают, что встреча двух умов бывает взаимной. Это

скорее факт двустороннего общения, чем взаимоотношений господина и слуги, высокоразвитого существа и существа неразвитого и заблуждающегося." [35, с.42]

"В случае же подлинной дружбы между учителем и учеником существует прямое и полное общение, называемое "встречей двух умов". Раскрывается учитель — раскрывается и вы; вы оба оказываетесь в одном и том же пространстве. Для того, чтобы вы и учитель стали друзьями в полном смысле слова, ему необходимо знать, кто вы такой, необходимо знать ваше состояние. Раскрытие этого и есть преданность, отдача." [35, с.332]

"Преданность учителя ученику выражается в сострадании, а преданность ученика учителю — в дисциплине. Таким образом, в некоторой точке происходит встреча сострадания и дисциплины." [35, с.344]

"Может быть, мы ждем, что учитель разрешит все наши проблемы, устранил сомнения. Но когда мы встречаемся с ним, оказывается, что он в действительности не отвечает ни на один из наших вопросов. Он оставляет многое для нашей собственной работы. И это будет для нас огромным потрясением, разочарованием." [35, с.145]

"Лучший вид великодушия, согласно писаниям, — это работа над состоянием ума другого человека. Но бодхисаттва не выходит за пределы своего собственного понимания, он считает себя скорее обучающимся, а не учителем. Не пытается он и покорить объект своего великодушия. Он осознает не только "я и они", но также и пространство, общее для дающего и получающего. Восприятие совместного пространства представляет собой действие обостренного внимания, праджня." [35, с.315]

"Бодхисаттва находит радость в общении с людьми, он не считает сострадательное действие своим долгом; он не имеет никаких догм относительно того, как ему надо действовать или какими должны быть другие люди. Он не пытается реформировать или преобразить кого бы то ни было из-за того, что люди не соответствуют его модели. Если люди полны решимости обращать других по своему образцу, это значит, что они стараются успокоить самих себя, пользуясь обращением других, чтобы облегчить свои сомнения. Бодхисаттва не заинтересован в обращении; он уважает стиль жизни других людей, говорит их языком и дает им возможность развиваться в соответствии с их природой, а не делает из них отражения самого себя. А для того, чтобы избежать стремления обращать других, требуется огромная дисциплина; бодхисаттва будет чувствовать сильное искушение говорить другим людям, какими им должно быть." [35, с.317-318]

В приведенных цитатах не сказано ничего о сути самого учения — потому что в буддизме нет конкретного Бога-личности. Безличностный характер восточных религий привел к тому, что основные положения учения о дао, буддизма и дзэн-буддизма легко воспринимаются учеными-естественниками.

В **христианстве** же Учитель — это прежде всего носитель Божественной Истины добра и любви. Образ духовного Учителя подробно описал Св. Иоанн Синаит (Лествичник) (ок.525 — нач VII в.) в книге "Слово к Пастырю" [12, с.253-274]:

"Истинный учитель тот, кто непосредственно принял от Бога книгу духовного разума, начертанную в уме перстом Божиим, т.е. действием осияния и не требует прочих книг.

Учителям неприлично преподавать наставления, выписанные из сочинений других, так как и живописцам, когда они делают только списки с чужих рисунков.

Наставляя низших, сам учись сначала свыше; и от чувственного научайся духовному, и не забывай того, который сказал: ни от человек, ни человеком проповедую учение. Ибо земное не может исцелить земных." (Паст. 1, 4-6)

"Не тот учитель достоин удивления, который способных отроков сделал знающими людьми; но тот, который невежд и тупоумных умудрил и довел до совершенства...

Если ты получил от Бога дар предвидеть бури, то явно предвозвещай о них находящимся с тобою в корабле..." (Паст.5, 1-2)

В православном христианстве традиции учительства связаны со **старцами**, из которых широко известны Серафим Саровский (1759-1833), Амвросий Оптинский (1812-1891), Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев, 1829-1908). Святоотеческое понимание учительства и ученичества обобщил митрополит Трифон (1861-1934) [34, с.72]:

"Итак, думающие о себе, что не имеют нужды в наставниках, недугуют невежеством, которое есть мать гордости, поэтому они не покоряются тем, кои с любовью учат их. Таким

людям предшествуют на пути к гибели за этот же недуг низринутые из небесного жительство демоны, так как и они отвергли небесных наставников. Итак, душа боголюбивая, которая подвизается о Христе, должна сама верно изучить то, чего она не знает или других ясно учить тому, что узнала. Если она не делает ни того ни другого, то болит неразумием. Начало отпадения — пресыщение наставлением и отвращение от учения, которого всегда алчет душа боголюбивого."

Ставший на путь Учительства должен быть духовно зрелым. "Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить?" — говорил Серафим Саровский [27, с.38].

О том, что бесполезно учить неготовых к учению, говорит притча выдающегося русского старца Силуана Афонского (1866-1938) [33, с.407]:

"Орел и петух

Летал орел в высоте, наслаждался красотой мира и думал: "Я пролетаю большие пространства и вижу долины и горы, моря и реки, луга и леса; вижу множество зверей и птиц; вижу города и селения, и как живут люди; а вот деревенский петух ничего не знает, кроме своего двора, где видит всего лишь немного людей и скота; полечу к нему и расскажу о жизни мира."

Прилетел орел на крышу сельского дома и видит, как храбро и весело гуляет петух среди своих кур, и подумал: "Значит он доволен своею судьбою; но все-таки расскажу ему о том, что знаю я."

И стал орел говорить петуху о красоте и богатстве мира. Петух сначала слушал со вниманием, но ничего не понимал. Орел, видя, что петух ничего не понимает, опечалился, и стало ему тяжело говорить с петухом; а петух, не понимая, что говорит орел, заскучал, и стало ему тяжело слушать орла. Но каждый из них оставался доволен своею судьбою.

Так бывает, когда ученый человек говорит с неученым, но еще более, когда духовный говорит с недуховным."

С точки зрения православных Учителей, как и буддийских, взаимодействие с Учеником невозможно без внутренней готовности последнего и общности духовного опыта, писал иеромонах Софроний, биограф Силуана Афонского [33, с.189]:

"В духовном созерцании подвижник становится зрителем вещей, которые для подавляющего большинства людей являются тайною, но он стоит перед невозможностью поведать об этой тайне, потому что переводимая на человеческий язык, она предстает слышащему о ней совсем иною. Язык человеческих слов и понятий дает очень ограниченную возможность передавать внутреннее состояние одного — другому. Непременное условие взаимного понимания — общность или тождество опыта. Нет этой общности, не будет достигнуто и понимание, потому что за каждым нашим словом сокрыта вся наша жизнь; во всякое понятие каждый из нас влагает объем своего опыта, почему все мы неизбежно говорим на разных языках. Но в силу единосущия рода человеческого возможно и чрез слово вызывать новый опыт в душе слышащего, и тем как бы порождать в нем новую жизнь."

Великий российский святой Иоанн Кронштадтский — выдающийся богослов, проповедник и педагог, 26 лет, с 1862 по 1888 гг. преподавал Закон Божий в Кронштадтской классической гимназии. Его педагогика гуманна и наполнена любовью к ученикам [9, с.38]:

"Распространи свое сердце для общительности и ласки, но не для потворства; в выговорах будь кроток, нераздражителен, нежелчен. *Все у вас да будет с любовью* (1 Кор. 16, 14), сказал апостол. Будь терпелив, не за все выговаривай, иное сноси, преходя молчанием, и смотри на то сквозь пальцы. *Любовь все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор. 13, 7). Иногда из-за нетерпеливого выговора образуется вражда, оттого что выговор был сделан не в духе кротости и любви, а в духе самолюбивого притязания на покорность себе другого."

Сравните с евангельским: "*И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем.*" (Ефес. 6. 4)

Советы о.Иоанна очень актуальны для современной школы [10, с.114]:

"Главное, господа преподаватели, позаботимся о возможной простоте и немногосложности преподавания. Душа человеческая по природе проста и все простое легко

усвояет себе, обращает в свою жизнь и сущность, а все хитросплетенное отталкивает от себя, как несвойственное ее природе, как бесполезный сор. Мы все учились. Что же осталось в нашей душе из всех наук? Что врезалось у нас неизгладимо в сердце и памяти? Не с детскою ли простотою преподанные истины? Не сором ли оказалось все, что было преподано искусственно, безжизненно? Не напрасно ли потрачено время на слишком мудрые уроки? Так, – это всякий из нас испытал на себе. Значит, тем осязательнее всякий должен убедиться в необходимости простого преподавания, особенно малым детям... Не в том ведь сила, чтобы преподавать много, а в том, чтобы преподавать немного, но существенное, нужное для ученика в его положении. Область знаний безгранична. Но область полезных и существенных необходимых знаний ограничена. Из множества достаточно выбрать стройную систему, сообразенную с количеством других предметов, которые ученики должны будут изучать, и с количеством их преподавания. В противном случае мы будем разрушать труды один другого.”

Напутственный совет о.Иоанна своим ученикам можно вставить буквально в каждый аттестат выпускника современной российской школы [11, с.46]:

“Жизнь – великая опытная наука. Нет ничего труднее, как проходить эту науку, тесный путь и узкие врата. И кто в школе матерней или в училище не навык вере и страху Божию и житию благочестивому, – тому особенно будет тяжело учиться в школе жизни. Тот, хотя бы он был в школе наук умен, многосведущ, был в большом почете за свои способности, в школе жизни оказывается невеждою, – мало того, иногда ни к чему непотребным, ни к семейной жизни, по причине своего неуживчивого характера или своего необузданного сердца, ни к общественной деятельности. Он бедствует и нередко терпит крушение в жизни, как нагруженное множеством товара судно в море, пущенное во время бури без руля, без снастей и парусов.”

Из некоторых приведенных цитат можно сделать вывод, что достигший совершенства Учитель сам не ищет себе Учеников и не снисходит до общения с "нормальными учащимися". Однако современная гуманистическая педагогика призывает к такому "снисхождению".

Абрахам Маслоу приводит описание интересного эксперимента [19, с.188]:

"Цыплятам была предоставлена возможность самим выбирать себе пищу из большого разнообразия корма. Те цыплята, которые делали правильный выбор, становились сильнее, больше, агрессивнее тех, которые сделали неудачный выбор. Если же пищу, отобранную "умными" цыплятами, навязывали "глупым", то те, в свою очередь, становились более сильными, более здоровыми, более агрессивными, хотя и не достигали уровня "умных". Это значит, что "умные" лучше знали, что подходит "глупым", чем сами "глупые". Если провести подобный опыт с человеческими существами, а я думаю, что он будет проведен, то нам предстоит основательно пересмотреть все теории."

Я не уверен, что "умный" цыпленок может рассматриваться как мудрый Учитель; термин "агрессивность" тоже смущает. Однако великие Учителя (Будда, Христос) не сидели, наслаждаясь своей мудростью, в ожидании учеников, а шли к людям сами. Так что истина здесь, как всегда, не в крайностях.